

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2018-2019 учебный год
10 класс**

Максимальный балл – 95
Дорогой любитель литературы!
Желаем тебе успеха!

1. Аналитическое задание

Максимальный балл - 70

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору).

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Вариант 1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа В. Габышевой «Покрывало из лоскутков». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: переплетение темы семьи и темы памяти; переплетение исторического и бытового времени, настоящего и прошлого как способ воплощения темы памяти и расширения пространства текста; роль вещной детали в воплощении указанных тем.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Виктория Габышева

ПОКРЫВАЛО ИЗ ЛОСКУТКОВ

Николай преподавал рисование в школе, где мужчин, как известно, всегда дефицит. Молодые безмужние учительницы, разумеется, не преминули опробовать на потенциальном женихе свои чары, но он не торопился. Лишь отметив третий десяток лет, Николай встретил ту, на которую пал его выбор. Тут уж не стал тянуть – без околичностей предложил избраннице руку, сердце, а вместо шалаша – малосемейку с обещанием рая и прочих прелестей совместной жизни. Девушка тоже недолго канителилась с согласием, оценила серьезный нрав Николая, основательность его намерений, да и просто понравился он ей.

Сыграли негромкую свадьбу, и новоиспеченный муж привел юную супругу в свой малогабаритный Эдем. Дарья принесла с собой баул – это было все ее имущество, причем большую его часть занимало лоскутное покрывало. Раскинула пестрядь на топчане, переставшем быть холостяцким, и – ах! – в глазах зарябило, а суровая комната сразу обрела недостающий уют. Николай дрогнул: творческая душа художника горячо откликнулась на незамысловатую красоту творения талантливых рук. Лоскуты были прилажены не абы так. В нехитром, казалось бы, рисунке жила неизъяснимая гармония, и словно несуетные движения угадывались в узорах простых аппликаций, подобранных с любовью и умелым сочетанием красок.

– Мама сшила, – сказала Дарья гордо. – В приданое мне.

Скоро над супружеским ложем засверкала написанная маслом картина. В ней, в середине лоскутного разноцветья, как на летнем лугу, сидела веселая девчонка Даша, одетая в любимую домашнюю рубаху Николая. Рубаха была синяя, и небо над косицами синее, а ворот на смуглом плече приспущен – не удержался муж от искушения чуть-чуть обнажить «натурщицу»... Живопись узоров в точности копировала рисунок покрывала, и чудилось, что над топчаном висит зеркало.

Позже Дарья рассказала маленькие истории лоскутов. Ведь до того, как сделаться покрывалом, каждый лоскут был одеждой и сохранил в Дарьиной памяти, а может, и в своей, что-то слова, события, время... Вот, например, эти голубые отрезки – от сарафана Даши. Сарафан летел вместе с ней, несся за мамой, цепляясь на бегу за дужки подойника: «Мамочка, смотри, я – птица, эгей!» Радость семилетней жизни хранили голубые лоскуты. А серый в белую крапинку ситчик, скромно вписанный в общую канву, был маминым платьем. Рукава по локоть открывали руки, пахнущие молоком, и такие же, как парное молоко, теплые. Они никогда не лежали праздно. Они умели всё женское – шить, вышивать, вязать, доить, месить, стирать, пеленать, и мужское – рубить дрова, колоть лед, таскать тяжести... Эти руки имели власть над вещами и таили тихую нежность. Как же любили дети прикосновение маминых рук! Погладит – и уходят обиды, утешается боль, хорошо... ласково...

Светло-коричневые в темную полоску лоскуты могли бы, наверное, поведать, о чем думал Дашин отец. О виноватых мыслях его, полных угрызений ночных вздохах. Но были такие мысли-вздохи недолгими и перемежались пижамной «безработицей» в слишком частые разгульные дни. В молодости отец считался первым парнем на деревне, балагуром и весельчаком. Женился, а остепениться не сумел, и не он повзрослел, а веселье выросло, потребовало вначале рюмку, затем бутылку, две, три... и вовсе потеряло им счет.

Марии, так звали мать Дарьи, полной мерой довелось хлебнуть доли оскорбленной жены, униженной жены и, наконец, избитой жены. Да не раз, и не раз приходилось бежать из дома через окно с подросткой Дашей. У обеих под мышкой по ребенку, остальные молча следом – прыг в осеннюю темень, в слякоть-холод, и скорее, скорее цепким выводком, дрожащей гроздью за мамин подол...

В редкую разумную неделю душа отца мучилась виной, не вином, и отдыхала. В семье устанавливались мир и покой. Наверстывая упущенное, отец работал, не покладая рук, и недостающей любви не жалел он тогда для домочадцев. Малыши усаживались рядом на полу у печи. Дерево пело в папиных мастеровитых руках, разбрасывало золотые стружки, а из-под пальцев вдруг возникали то лошадиная головка на длинной палке, то крутые «волны» мутовки-штыка, что взбивают жидкую сметану в пушистую массу, сиреневую от голубичного варенья, как вечерние облака. Отец в избытке чувств и раскаяния ловил малышек, нюхал темя: «Эх, глупый папка ваш... злой...»

«Не злой! – жалела Даша. – Не злой!» И добавляла тихо: «Когда трезвый».

С некоторых пор она стала отмечать красными крестиками в календаре его пьяные дни. Но год за годом все меньше выпадало не «праздничных», не красных недель – до тех пор, пока отец после инсульта не превратился в двенадцатого, самого хилого и капризного ребенка своей жены.

А дети – девять девочек и три мальчика – радовали мать. Рано обнаружилась в них склонность к точным наукам и, успешно заканчивая школу, дети один за другим начали поступать в вузы.

...Но вот – скорбный чёрный лоскут на покрывале. Умер отец. Мало оставил доброй памяти в детях, а все равно жаль. Матери – жаль сильнее. Любила. Что бы там ни было в жизни – любила.

Вслед за первым чёрным – второй, круглый, как горестный крик. Утонул по воле коварного половодья двадцатилетний сын. Снова черный лоскут. Другой сын, умница, добрейший человек, пошел по кривой отцовской дорожке, да и свернул на ту, что не возвращает обратно...

Узнавая Марию ближе, Николай дивился твердости тёщиного характера, главной черте её – жертвенности. Никогда бы не подумал раньше, что жертвенность может быть сильной, а вот поди ж ты... Мария не задерживалась там, где царило спокойствие, спешила навстречу чьей-то боли, раздору, тоске. «Ты, мама, как МЧС, – шутили дети, – как скорая помощь и пожарная машина». А она ведь и впрямь спасала, лечила, тушила ссоры.

– Я нужна ему, – оправдывалась Мария, торопясь к семье пьющего сына.

– Я нужна ей, – утверждала она в ответ на уговоры не ехать к внучке, которой угораздило выскочить замуж за разгильдяя.

– Ну что вы измените? – увещевал в ситуации с внучкой Николай. – Этот подлец не желает работать, жену колотит, ребенка запугал. Чего доброго, вас обидит! Неужто не боитесь?

– Очень боюсь, – вздыхала теща. – Так боюсь, аж ноги трясутся!.. Но пойми, Коля, Анечка совсем одна. Как могу я спокойно спать, если знаю, что она не спит, плачет, и нет рядом плеча прислониться?

– Почему это плечо должно быть обязательно вашим?! – сердился Николай. – У нее, наверное, есть подруги, есть мама, в конце концов!

– Еще бабушка есть, – кротно улыбаясь, «сообщала» она зятю.

Родителей Николая не стало, и он понимал, что понемногу начинает чувствовать сыновнюю тягу к Дарьиной матери. Сопротивлялся силе её неумолимой жертвенности, по-прежнему дивясь ей и уважая, а вслух, из-за тревоги и бессилия что-либо изменить, называл бесконечные «спасательные операции» сумасбродством. Жена обижалась. И с этим он ничего не мог поделать, иначе пришлось бы сказать правду – как же сильно он боится за тещу. Смешно ведь. Кто поверит – зять за тещу боится!

Когда у Дарьи с Николаем народились дети, Мария жила в их семье. Николаю сложно было и самому-то себе признаться в ревности. Он долго считал – уж их-то Мишаню с Сашулей бабушка любит больше других внуков. И вот уж горькое разочарование испытал, выяснив, что точно так же полагают все её дети!

Николай смотрел на маленькие, слабые руки Марии, представлял ладонь её сжатой в кулак и не верил, что и оно такое по размеру – тещино сердце. Слабое, ма-а-аленькое... Как же в этом кулачке хватает места для всех?!

Приехав к Анечке, Мария удостоверилась, что внучка решила покончить со ставшим ей ненавистным замужеством. Супруг, фактически бывший, отказывался это понимать. Устраивая пьяные разборки, он, как и предсказывал Николай, осмелился поднять руку на бабушку. Но поднял... и опустил. Неизвестно, какими словами она воздействовала на него, однако же вскоре Анечка развелась, и страшный период в её жизни благополучно завершился.

– Верно говорят – чужую беду руками разведу! – воскликнул Николай.

Дарья обидчиво возразила:

– С чего чужую-то? Внучка ведь!

Мария вернулась.

Николай любил вечерние беседы с ней. Будто сказку, слушал рассказы о чурапчинском богатыре Кытаанахе, что значит сильный, крепкий. Ни в косьбе, ни в борьбе не было ему равных, а двухтравного тельца мог нести на плечах несколько верст. Вот от кого происходил род Марии. От прадеда Кытаанаха унаследовала она свою потрясающую силу, – но силу не мышц, а нрава.

Сиротой Машенька осталась в раннем детстве. Её взяла к себе хорошая большая семья. Приёмные родители любили девочку, как кровное дитя, и до самого отрочества не слышала она от них ни дурного слова, ни окрика... А потому только до отрочества, что едва чуть повзрослела, началось время великого голода и, когда съедены были все ремни, подошвы торбазов и шкуры с дверей, погибла семья. Да, вот так, – погибли все, кроме Маши и маленькой Розы – самой близкой подруги на всю жизнь.

Дважды сирота и названная сестренка попали под жестокий жёрнов – нет, не болезни и не голода в этот раз. Правительство вынесло решение переселить чурапчинцев на ледяное море. Последней баржей сплавились до Тикси. Укрывая от ветра задремавшую сестрицу, сама Маша не могла уснуть. Невозможно было спать – холод, сырость, в двух шагах распухшее тело старика-соседа, почившего два дня назад. Маша с ужасом наблюдала сквозь ресницы, как два тёмных силуэта подошли и столкнули покойника вниз. Булькнула вода, шуга сомкнулась с сытым шорохом – съела река человека... Съела, словно ждала, и встала. Не дала дальше плыть. Остались в Жиганском районе.

...И третьим по счету отцом Маше, а также и Розе стал ненадолго добрый пожилой рыбак, приютивший умирающих от стужи и голода девочек.

Такой была жизнь в страшной и горькой её простоте, такими были рассказы, без жалобы, без насады и злости. Бесхитростные рассказы.

Власть – она во всякое время разная. Ну, не будем осуждать нынешнюю (хотя есть за что). Не в привычке Марии, и мы не станем. Как матери-героине, ударнику коммунистического труда, доярке-стахановке и чуралчинской ссыльной предложили ей квартиру... Хорошо же, правда? Да не совсем за так предложили. С долевым участием в несколько сотен тысяч. И... ох, как же всё-таки хочется совсем не теплое, не доброе слово сказать в кое-чей адрес! Но нет. Держим язык за зубами, раз обещали. Крепко, кытаанах держим!

Мария была горда и счастлива до слёз: дети нашли деньги. Там-сям заняли, затянули пояса туже. Ничего! Лишь бы мама жила в благоустроенном тепле и уюте.

Беду, конечно, не ждали. Младшая Лина оступилась, потеряла работу и не превозмогла груза обид-одиночества. Догнало дочку отцовское дурное «наследство», и Мария уехала к ней. Не на месяц-два, на годы и годы.

– Женский алкоголизм неизлечим, – ворчал Николай. – Снова чужую беду руками..?

– Не чужую, Коля, – протестовала жена. – Или прикажешь дочь, как больной палец на руке, отрезать?

Спустя несколько лет Николай горячился:

– Маме твоей пора бы отдохнуть в её-то годы, по китаям-тайваням проехаться, сплетничать у крыльца со старушками на солнышке, а не маяться с этой...

– Она моя сестра, – мягко напоминала Дарья. – Мама знает, что делает. И что бы ни делала – всегда права.

– Почему?

Жена пожимала плечами:

– Потому что она – мама.

– Железный аргумент, – соглашался Николай с улыбкой. Он ведь тоже ничего не мог поделать. Твердый у Марии характер, на сторону не свернёшь.

А Лина то бралась за ум, то с новой силой пускалась во все тяжкие. И вдруг – будто гром среди ясного неба: мама отдала ей новую квартиру!

– Что за сумасбродная старуха?! – расстроился Николай. – Мы ж все за это жилье долгами расплачивались, а оно вот-вот махнет вашей Лине купюрами и – тью-тью-ю – поминай, как звали!

Дарья молчала. Тоже, по-видимому, была недовольна своеволием мамы, в первый раз усомнилась в ее правоте...

Мария приехала погостить. Привезла гостинцы: желтые круги молока, кровяную колбасу и настенный коврик, выполненный из кусочков цветного драпа. Николай с сожалением подумал, что коврик чудо бы как смотрелся над покрывалом из лоскутов. Когда они переехали из малосемейного рая в большую квартиру, на новоселье им подарили роскошное набивное покрывало. Дарья упрятала лоскутное на антресоли, а картину с девочкой Дашей подарили сыну на свадьбу.

Николай решил: как только Мария уедет, он затолкает на антресоли набивное покрывало и вернет на место мамино.

Вечером, устав от недомолвок, он начал трудный разговор.

– Мария, это ваша квартира. Вы были вольны делать с ней, что хотите, но все же... Почему вы переписали ее на Лину?

Старуха положила маленькую ладонь на руку зятя.

– Понимаешь, сынок... Она ей нужнее.

Он не понимал. Не мог. Его раздирали двойственные чувства. Он хотел когда-нибудь, хоть раз услышать от нее: «Я вам нужнее», и не хотел, ведь она жила только с теми детьми, которые оказались в беде.

Вариант 2. Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения Булата Окуджавы «Я пишу исторический роман» (1924—1997). Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): охарактеризуйте тему и основную мысль произведения, проанализируйте два центральных образа и их смысловой и лексический контраст; охарактеризуйте хронотоп (художественное время и пространство текста); определите особенности формы и жанра поэтического текста; проанализируйте роль антитез, противопоставлений и парадоксов тропов и лексики (романтической и прозаической, особенности употребления местоимений), повторов слов в выражении авторской позиции.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Булат Окуджава

Я ПИШУ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В. Аксёнову

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел - не есть обман.
Замысел - еще не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке:

каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела.
Почему?
Не наше дело.
Для чего?
Не нам судить.

1975

2. Творческое задание

Максимальное количество баллов – **25**

Представьте себе, что вас пригласили на телевидение в качестве автора и ведущего семиминутной утренней передачи, в которой вы советуете телезрителям, **что** почитать на этой неделе.

1. Придумайте **название** телепередачи.

2. Сформулируйте названия (можно цитатные) **трёх** разных тематических рубрик, в которых будут представлены книги разных жанров (фантастика, исторические произведения, юмор, детективы...), и коротко (2-3 предложения) охарактеризуйте эти рубрики, приведите по одному примеру для каждой рубрики, указав название книги и её автора.

3. Для одной из передач предложите **три произведения** отечественной литературы (выбрать рекомендуемые произведения можно как из классики, так и современной литературы) и расскажите о них так, чтобы зрителям захотелось их прочитать. Обзор каждого произведения не должен превышать 2 минут (5-6 предложений). Обязательно укажите фамилию и имя автора, дайте самые общие сведения о нем.